

САМЫЕ
ПАМЯТНЫЕ
СТРОКИСергей
НАРОВЧАТОВ

Наш зарубежный поход начался с Польши. Мы остановились в Острове-Мазовецком, небольшом городке неподалеку от Варшавы. Незнакомая страна ошеломила меня. Я был заворочен звучанием незнакомой речи, полонезом Огинского и вальсами Шопена, очами и «рончками» прелестных пани и паненок, всем увиденным, услышанным и придуманным мною. Польша лежала в чадных развалинах, заметенных ржавым снегом, но красавица в лохмотьях все равно остается красавицей.

Стихи я тогда сочинял без устали. Засыпая с открытой строкой, я находил к ней рифму, едва продирая глаза. Я был так начинен созвучиями и ритмами, что порой мне казалось, будто из меня исходит некая поэтическая эманация. Так, наверное,

СЛАВЯНСКИЙ ПОХОД

могла бы чувствовать себя юная шхуна, увидев на концах своих мачт огни Святого Эльма.

Мною владело тогда чувство славянской общности. Я живо ощутил в те осенние и зимние месяцы, что все разъединяющее нас неизмеримо меньше соединяющего. Цикл стихов был отдан мной этому чувству, недосягаемо завершающего стихотворения. Оно пришло ко мне в первый день знаменитого январского наступления 1945 года. И вот при каких обстоятельствах.

Я шел из штаба дивизии на КП полка. Корреспондент-организатор армейской газеты, я на своих двоих поспевал вслед за наступлением. Наша артиллерия перенесла огонь в глубину боевых порядков противника. Пехота пошла за огненным валом. Как раз в этот момент гитлеровцы дали отсечный огонь. Он обрушился на дорогу, по которой

я шел. Завеса, казалось, была сплошной. Пришлось залечь в кювет. На мою удачу, он оказался глубоким. Примостившись поудобнее, я стал пережидать артналет.

И вот здесь ко мне пришли первые строки ожидаемого стихотворения. Оно действительно ожидалось и бродило во мне.

Где сердца единого сплыва,
Там слова созвучны словам,
— произнес я вслух. И тут же звукопись помогла заполнить следующие строки:

Скажут — Славия, слышим — слава,

Скажут — слава, вспомним — славян.

И дальше, дальше: «Нет, не розни мы приняли имя, не сгубили душу свою — Стали братьями побратимы, побратавшиеся в бою!» Слово рождало слово, слова возникали из слов.

Сами собой пришли строки о Польше. Польская земля была передо мной и подо мной. Я будто слышал биение ее сердца.

Потом появились слова о Чехии. Когда я снова поднялся на дорогу, у меня с губ уже слетали новые созвучия: «Морем гнева поднялись моравы, дети Детвы встанут на мость за Словакии давнюю славу и за Чехии древнюю честь!»

Командный пункт успели перенести, и я двинулся в боевые порядки полка. Здесь находились в деле огневые средства ближнего боя, но я настолько был поглощен стихами, что почти не обращал внимания на осколки мин, пулеметные очереди, ружейные пули. Шел словно пьяный. Непередаваемое состояние.

В общем, когда я дошел до места и, наскоро поздоровавшись со знакомыми офицерами,

стал сверяться по карте, в каких европах мне пришлось с ними столкнуться, оказалось, что стихи вчерне готовы. Примерно за полтора часа — почти шестьдесят строк. Такого акынского рекорда я никогда больше не повторял. Записал я стихи уже ввечеру, когда выпали свободные минуты.

Название у меня не удержалось. Оно выглядело слишком претенциозным в отрыве от цикла. Я стал печатать его под звездочками. Лишь в этих заметках я возвращаю ему прежние права.

Еще одно замечание. Редко за какое стихотворение я натерпелся столько упреков. Укоряли в нагромождении аллитераций, гиперболизированной звукописи, формалистических перехлестах. Все это я проглатывал без возражений. Не станешь каждому объяснять, при каких условиях оно сочинялось. А вот и стихи:

Где сердца единого сплыва,
Там слова созвучны словам.
Скажут — Славия, слышим — слава,
Скажут — слава, вспомним — славян.

Нет, не розни мы приняли имя,
Не сгубили душу свою —
Стали братьями побратимы,
Побратавшиеся в бою!

И светлее на сердце и горше —
Оглянусь на цветное крыльцо!
Не твое ли, красавица Польша,
Просияло сквозь слезы лицо!!

Чьими вновь ожила ты вестями,
Что, коханая, видишь вдали!
Это наши червлёные стяги
Через Вислу-реку перешли!

Но уж сердце иному подвластно,
И иные я вижу края:
— Здравствуй, Чехия! Здравствуй, Власта,
Незабывная юность моя!

То не новый раскинули табор
Табориты у пражских ворот —
Это слово повстанческих штабов
Кличет чехов в последний поход.

Морем гнева поднялись моравы,
Дети Детвы встанут на мость
За Словакии давнюю славу
И за Чехии древнюю честь!

Но иное в память стучится,
И уж очи смотрят на юг,
Где легендой бушует Кульчицкий,
Мой без вести пропавший друг.

Над Дунаем кровавые зори...
И не он ли сзывает на бой —
Мстить за Сербии черное горе,
Черногории лютую боль!!

Слышу голос народного веча;
Вечным светом речи горят —

Это вольных юнаков навечно
Принял в старые стены Белград.

И опять свой родимый и родный,
Свой солдатский я вижу стан,
Снова в строй становлюсь походный,
Русских войск строевой капитан.

Что за песни звенят над полками!!
И любовь в этих песнях, и грусть...
Ветром песен колыхается знамя,
На котором начертано: «Русь!»

Так вперед, побратимы и други,
Нас на подвиг благословят
Белоруссии белые руки,
Украины найкраший взгляд.

И, в края посылая чужие,
За рубеж проводя сыновей,
Нас великая мать Россия
Охранит любовью своей!